

ОТЗЫВ

**официального оппонента Головина Валентина Вадимовича,
доктора филологических наук, профессора, директора
ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
на диссертационное исследование Ежовой Оксаны Федоровны
«Детский фольклор и культура детства старообрядцев-липован
(XX – начало XXI в.). Опыт изучения традиции», представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.09 – Фольклористика**

Настоящее исследование – первый опыт научного осмысления детского фольклора и детских практик старообрядцев-липован. Работа построена на архивных и полевых материалах, собранных автором в традиционных экспедициях и в так называемом «on-line» поле.

Давняя отечественная и зарубежная традиция наблюдения и изучения липован в Румынии, Молдавии, России и Украине не фокусировала внимание на детском фольклоре, потому стоит отдать должное автору в его скрупулезных поисках.

Диссертация начинается с исторического введения, обзора исследований и материалов, относящихся к традиции липован. Во введении обосновываются и разные аспекты актуальности диссертации. Цели и задачи сформулированы точно, конкретно и кратко. Стоит отметить, что малочисленность материала не всегда позволяет делать репрезентативные выводы. Также вызывает вопросы излишнее внимание к психолого-педагогическим аспектам проблем, которые требуют особых методов изучения, отличных от филологических.

Что касается гипотез, выносимых на защиту, то они в целом вызывают научную поддержку, но в то же время хотелось бы разъяснения ряда вопросов, которые возникли у оппонента.

Цитирую стр. 19: «Рассказы староверов-липован о детстве и воспитании в вере выделяются в самостоятельный жанр, одновременно демонстрирующий черты былины, сказки и литературы, относящейся к житийному корпусу, что является свидетельством специфической для данного сообщества культуры воспитания, где особенным образом проявляется как влияние старообрядческой книжности, так и влияние устной народной эпической традиции». Каким образом может соотноситься жизненный меморат с былинами и сказкой, то есть с «мифологическими» жанрами, не совсем понятно. Сопоставление по признакам «связности и логичности, прямой последовательности событий в повествовании, ведущемся от первого лица, проявлений свойств характера отдельных героев рассказов близко эпическим жанрам фольклора» представляется слабо аргументированным, поскольку это не является устойчивыми признаками эпического жанра.

Далее, на стр. 20 :«Выбор детьми подобной тематической группы духовных стихов (о Христе-младенце – *В.Г.*) обусловлен близостью младшему поколению старообрядцев темы уязвимости и незащитности детства. Выбор взрослых диктуется воспитательно-педагогическими задачами». Допуская и такую версию, все-таки полагаю, что выбор связан только на соответствии темы детства и возраста исполнителей духовных стихов таких духовных стихов».

На стр. 21: «В играх детей из семей староверов наблюдаются универсальные, свойственные определённому возрасту детского развития коммуникативные практики – посещение "страшных" мест и "заброшек", рассказы о "страшных" людях. Подобные практики не поощряются, но и не запрещаются взрослыми, что, по мнению автора исследования, является традиционной устойчивой воспитательной тактикой родителей-старообрядцев, имеющей стратегическую цель сохранения контакта и взаимопонимания между разными поколениями». Опять же вполне допуская

такую версию, считаю, что такая практика универсальна как для старообрядцев, так и для никониан и агностиков.

Далее на этой же странице: «Использование детьми старообрядцев-липован универсальных, характерных для различных русскоязычных регионов как в России, так и за её пределами образцов произведений малых жанров – считалок, молчанок, загадок различной этимологии, свидетельствует об интегрированности детей современных русских старообрядцев-липован в общерусское культурное пространство и сохранении ими общенациональных русских традиционных элементов в иноэтническом языковом окружении. Инструментами сохранения языка и специфически русских языковых феноменов являются, в частности, русскоязычный сегмент сети интернет, социальные сети, русский нетлор». Какой аргумент позволяет автору заключать только о современном включении в общерусское культурное пространство? По-моему, здесь скорее следует говорить о включенности как в прошлом, так и в будущем, что свойственно многим локальным группам, в том числе иноязычным.

И последнее замечание, касательно гипотез О.Ф. Ежовой, выносимых на защиту: «Детский фольклор – народная культура очень своеобразного "народа" – детей, живущего внутри любого взрослого сообщества своей отдельной жизнью. При этом в детском фольклоре в достаточно сильной степени отражается всё, окружающее детей» (с. 24). Как я полагаю, если «отражается всё» то тогда не отдельная жизнь.

Первая глава работы посвящена аналитическому историографическому обзору и состоит из трех разделов: 1. Литература по фольклору, истории и культуре старообрядцев-липован; 2. Литература, связанная с проблемами культуры детства и детской психологией.; 3. Литература об истории изучения детского фольклора.

Все параграфы настоящей главы написаны тщательно и скрупулезно и, в принципе, не вызывают особых вопросов.

Но автор сам поставил себя в очень сложное положение, взяв цель представить максимальное количество источников. Во-первых, трудно понять необходимость такой исчерпанности, поскольку есть обобщающие исследования, на которые автор ссылается. Во-вторых, такая полнота невозможна, и неизбежно вызывает субъективные упреки об отсутствии какой-либо важной работы. Так в первом разделе автор не ссылается на упомянутые им в других разделах труды М. Маринеску, которые относятся как к фольклору, так и к истории и культуре липован. Нет ссылок на относительно недавнюю и весьма содержательную работу, представленную в свободном доступе в интернете, Н. Н. Плотниковой «Славянские островные ареалы. Архаика и новации (М., 2016), где есть материал по детским практикам липован, который типологически схож с примерами, анализируемыми в диссертации. Непоследователен стиль переходов от одного вопросу к другому. На странице 27 после статьи Н. И. Надеждина 1860 года сразу сделан переход к этномузыковедческим исследованиям А. М. Мехнецова последней четверти XX века.

Историографический обзор психологической и психологопедагогической научной литературы по культуре детства и возрастной психологии представляет весьма интересный материал, к тому же автор предложил опыт типологизации научных подходов. Но все же смущает его заключение, что «не один из научных подходов к проблеме фольклора и культуры детства не исчерпывающий». Вопрос риторический – а разве бывают исчерпывающие подходы в научных практиках?

К объемному разделу «Историографический обзор научной литературы по детскому фольклору» научных претензий значительно больше. Автор в представив материал, сделал ряд очень спорных выводов. Например, на странице 42 он заключает: «С 20-х и до 60-х годов XX столетия наука о детском фольклоре в Советском Союзе практически не развивалась. О произведениях детского фольклора иногда лишь упоминалось, в основном

в областных исследованиях и программах конференций». Это является ошибкой. Скорее наоборот. В 1920-х (труды Г. С. Виноградова, и др.) и даже в 1930-х годах мы фиксируем научный расцвет изучения отечественного детского фольклора и детского быта. В 1927 году начинает работать Комиссия по изучению детского быта, языка и фольклора Русского географического общества (Сб. «Детский быт и фольклор». 1930), выходят многочисленные исследования Г. С. Виноградова, О. И. Капицы, В. Н. Всеволодского-Гернгросса. В 1944 году была защищена диссертация Н. Элиаш «Русские народные колыбельные песни: Опыт классификации фольклорного жанра», в 1957 году вышла монография В. П. Аникина «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор». Исследования такого рода были в Украине и Белорусии.

Такой вывод по крайней мере странен, поскольку автор знает о существовании этих трудов. Вообще, невнимательность автора приводит иногда к научным казусам. Например, в тексте может обозначаться Владимир Соломонович Бахтин, занимавшийся липованами, а цитата и ссылка относят к трудам Михаила Михайловича Бахтина (с. 46).

Упомянув множество, даже излишнее множество различных трудов диссертант пропустил знаковые, например, книгу Леа Виртаннен «Children's Loge» (1978), двухтомный «Энциклопедический словарь русского детства» С. Б. Борисова (2008).

Вторая глава «Опыт систематизации архивных и полевых материалов, записанных от взрослых респондентов», посвящена изучению липованских колыбельных песен, рассказам о воспитании в детстве и описанию детских игр.

Автору исследования, в силу редких записей липованских колыбельных, объективно сложно делать вывод о состоянии корпуса жанра. В его распоряжении всего пять колыбельных, которые он обширно толкует. И здесь возникает естественная дискуссия. Принимая версии автора о

тюркских включениях в первый текст, мне совершенно непонятно каким образом автор дошел до вывода: «Ребёнок в таком случае становится пограничным существом не только в силу своего мистического положения между миром мёртвых и живых, но и в силу принадлежности одновременно к двум различным этнорелигиозным сообществам. Возможно, поэтому необходимо петь ему сразу на нескольких языках, вставляя сложное иностранное слово, чтобы его защищали и «христианский», и «мусульманский» Бог» (с. 58). Во-первых, лучше использовать устоявшийся термин «переходное состояние» вместо сложного авторского пассажа «в силу своего мистического положения между миром мёртвых и живых», а, во-вторых, есть огромное количество текстов русских колыбельных, где присутствуют демонологические и христианские персонажи, но все-таки это не дает нам никакого права говорить о выставлении баюкальщицей одновременно языческой и христианской защиты. И наличие припевных тюркизмов ничего общего не имеет с пением на нескольких языках.

Что касается следующего текста про волчка, автор зря объявляет его сюжетом, это мотив, что подтверждается его полной записью. И текст, на мой взгляд, очень интересный, состоящий из трех мотивов: пугания-предупреждения, мотива колыбели и мотив качания. И автору следовало остановиться на трех уникальных моментах. Во-первых, из известного мне огромного корпуса русских колыбельных здесь впервые встречается два действия, когда волчок обнаруживает в лесу «почепок» - красненький поясок, посредством которого он качает колыбель. Во-вторых, здесь встречается крайне редко используемый в колыбельной цвет – красный (известны варианты использования его в жанре скорее как эпитета – красны девушки, красно яблочко, красный сон). Здесь, на мой взгляд, мы видим аналогичную форму. И это никакой не оберег, как утверждает автор. Но такой очень интересный текст автор толкует совершенно по-другому: «Красный цвет – цвет жизни, победы над тёмными силами, лесными жителями – лешими, кикиморами, водяными, представителем которых,

носителем опасной для ребёнка “дикой” силы “дикого” мира, является и лесной зверь волк, “волчок”». Данная патетика мной не приветствуется, тем более перечисленные существа, кроме волчка, табуированы для колыбельной песни.

После подробного и достаточно интересного истолкования кумулятивных песен, исполненных в качестве колыбельных, автор, на мой взгляд, вновь «перекомментировал» текст колыбельной, обнаружив в ней то, что далеко не очевидно. Прочитируем текст: «Ай ду-ду, ду-ду, ду-ду, / Сидит ворон на дубу. / Ва скрипочку играе, / Славика забавляе./ А дудочка скрип да скрип. /А Славочка спит да спит. / Пошла мама на базар / Купит Славе шёлку,/ Завяжет гало(у)ку (Записано Н. М. Савельевой и И. А. Савельевой от Надежды Яковлевны Покидовой, 1929 г. р., с. Слободзея).

Текст интересный и уникальный. Два мотива – «все спят и ты спи» и мотив подарка. Но, во-первых, скрипка крайне редкий музыкальный инструмент в колыбельных («Прискакали зайцы / Стали в скрипочку играть / И сыночка забавлять»). Во-вторых, прибауточный первый стих, обязывает играть на дуде. Но скрипит скрипочка второго стиха, образуя вариант формулы от «а ворота скрип скрип».

Автор комментирует совершенно иначе: «Потом то ли исполнительница сбилась, то ли ворон, по сюжету, играет на разных инструментах – скрипочка превращается в дудочку: ”...а дудочка скрип да скрип...”. Далее в очень краткий по объёму текст контаминируется ещё один сюжет – про то, что Славе нужно завязать головку шёлком. В тексте нет упоминания про то, что у ребёнка, возможно, болит голова, или он простыл – очевидно сращивание нескольких сюжетных конструкций» (с. 62).

Мне представляется комментарий несколько фантазийным по ряду причин. Организация смысла в тексте колыбельных вторична, она зависит от ситуации убаюкивания и главной функции жанра – усыпление ребенка. «Шелк на головушку» – необходимо трактовать в контексте подарка с базара

(что прописано в данной колыбельной). Более того – это формульный стих (например, «... Как на маленьки на ножки, / Купим красные сапожки./ А-а-а-а! / Ой, на головушку-то платок, / На платочке-то петушок»). Если трактовать таким образом, то все предметы одежды, которые кладут в голову, как-то связаны с его состоянием (например, «На головушку фуражку, / Кашемиру на рубашку»).

Следующий вывод несколько эзотерический: «В данном тексте есть мотив баюкающей птицы. Мать как бы призывает на помощь силы природы, её хтоническую мощь, чтобы совладать с плачущим ребёнком» (с. 62). Ворон здесь не является баюкающей птицей. Успокаивают скрипящие ворота. Это текст общеизвестный прибаутки (потешки), который перекочевал в данную колыбельную. Это развлекательный текст, зачем ему хтоническая мощь и откуда автор исследования взял, что ребенок плакал.

Такая же история и со следующим текстом. Во-первых, он шуточный («одна мама, батьков пять»),¹ во-вторых, здесь действительно успокоителем являются ворота, которых к успокаивающему звукодвижению (рып-рып), провоцирует севший на них соловей (солобай), а этот персонаж в отличие от литературных песен в народных колыбельных не появляется. И автор начал предлагать интересную идею, предполагая, что заимствованный соловей, появился благодаря рифме-маркеру близкому к «Бай» (также как и Басалай – В.Г.), но затем вновь пустился в какое-то странное толкование: «Чарующий своим пением соловей в прямом смысле должен бы ребёнка баюкать, «околдовывать», но то, что в данном случае он не поёт, а только «скрипит» воротами, возможно, также – материнский договор с природой, чтобы магия соловья как-то бы не повредила ребёнку» (с. 63).

¹ Ай да лю-лю, айда спать. Адна мама, батькив пять. Ай да лю-лю, айда бай. Дай прилетеу солобай. Дай сеу на ворота. А ворота рып да рып, А Славочка спит да спит. Записано Н.М. Савельевой и И.А. Савельевой от Анны Дмитриевны Тодоровой, 1932 г. р., с. Слободзея, Тираспольского р-на Приднестровье, Республика Молдова (1986–1989).

Диссертант также предполагает, что привлечший его соловей-солобай – украинизм. В тексте действительно есть и украинизмы и тюркизмы, но мне требуется конкретная ссылка на словарную статью, поскольку в более чем десяти украинских словарях, включая «Атлас української мови» (1988. Т. 2), «Етимологічний словник української мови» (2006. Т. 5: Р - Т), и в on-line версии «Словника української мови» такой украинизм не встретился.

Но соловей-солобай, действительно, интересен. Отсутствие поющего соловья в корпусе русских колыбельных понятно. Его пение пробуждающее. В русских колыбельных песнях для успокоения поют только голуби (гули-гули, ворковать), остальных птиц просят покорно помолчать («ты сорока не чичи») или фиксируют что они мешают спать: «В лесу птюшечки поют, / Тебе спать не дают».

На мой взгляд, если это украинизм, как утверждает автор, именно потому что он не совсем соловей, а «солобай» и благодаря наличию в слове корневого «бай» увеличивается количество усыпляющих маркеров в тексте и двигает ворота в формульном мотиве. Если такого украинизма нет, то это уже не совсем соловей, а именно солобай, функционально попавший в текст по принципу звукового соответствия усыпляющему маркеру.

К сожалению, увлекшись попытками такого рода комментариев, автор не заметил оригинальности колыбельных песен и не включил это в выводы параграфа.

Начиная со второго параграфа второй главы («Рассказы о воспитании и детстве») диссертант представляет интереснейший материал. Кроме того, автор диссертации очень точно выделяют доминанты и специфику воспитания детей в липованских семьях. Единственное несогласие вызвала попытка автора отнести игру в «Ледовое побоище» (параграф 2.2.2. «Описание детских игр») к почитанию Александра Невского как святого. Мне кажется, это простая детская проекция-подражание от художественного фильма «Александр Невский», также как дети играют в трех мушкетеров или

капитана Немо. Я бы не стал относить «игры в крышки» к послевоенному времени. Такая игра, как и фантики, фиксируется уже в 10-х годах XX века.

Глава 3 «Опыт систематизации архивных и полевых материалов, записанных от детей» представляет собой наиболее успешную часть диссертационного исследования и в большинстве случаев автору удалось предложить свою концепцию систематизации. Более того, диссертантом представлен и прокомментирован исчерпывающий материал, который удалось обнаружить в архивах, публикациях, интернет-ресурсах и собственных записях. Позитивными видятся и рассуждения автора о вхождении литературных произведений в духовную практику детей. В параграфе «Святочные славения и посевания у детей из семей старообрядцев-липован» представляется очень важная публикация и анализ собственного взгляда липован, принципиально отличающих «славление» от колядования. Преимуществом данной работы является и то что он обратил внимание на современные массовые рождественские презентации липован в сети Интернет и на ресурсах YouTube. Такие формы сравнения показывают не только этапы и формы трансформации самого обряда, но и религиозного мировоззрения.

Особый интерес представляет собой параграф 3.3 «Рассказы детей про походы на «заброшки», про «страшных» людей». Здесь представлен интереснейший, скрупулезно с огромным количеством деталей собранный автором диссертации материал, который весьма перспективен в будущих антропологических исследованиях. Абсолютно точными в процессе комментирования являются отсылки к известным монографиям М. П. Чередниковой и М. В. Осориной. И если бы автор уделил меньше внимания психолого-педагогическим аспектам проблемы (ряд рассуждений кажутся дискуссионными), то параграф выглядел бы более научно совершенным. Рецензент также не приветствует такие обобщения как: «Следственно, с большой степенью допущения можно высказать предположение, что

отношение родителей-липован в городе Бендеры к походам на «заброшку» их детей – это традиция взаимоотношений родителей и детей в семьях из общин староверов-липован» (с. 118). А что у других (не у староверов) как-то иначе? Если автор считает своё положение верным, то он антропологическими фактами должен это обосновывать.

Параграф о малых жанрах фольклора носит скорее фиксирующий характер, разбор текстов сам по себе интересен с точки зрения поэтики и содержания. Единственное огорчение - зачем автор вставляет абзацы с так называемыми «нулевыми текстами», с очевидными выводами: «Формируются волевые качества характера, ребёнок научается управлять эмоциями, контролировать поведение. Молчанки давно и плотно вошли в арсенал школьных педагогических методов. Многие учителя, хоть это и удивительно, используют тексты из набора этих произведений детского фольклора, разумеется, пристойные, для установления тишины в классе» (с. 124).

Диссертацию нельзя признать равноценной во всех своих частях. Рецензент обозначил ряд претензий к тексту исследования. Вторая глава исследования явно не доработана. Вопрос о заключении отзыва был весьма актуальным. Но учитывая пять фактов:

1. Это первое исследование о детском фольклоре и детских практиках липован.
2. Поиск редкого материала осуществлялся в разных формах и разными путями.
3. Автор представил уникальный материал по детскому фольклору и антропологии детства, независимо от липованской специфики.
4. Автор осуществил успешную попытку систематизации материала.
5. Автор опубликовал интереснейшие приложения, которые несомненно будут востребованы.

Именно в силу этих причин и будущей востребованности исследования заключаю, что автореферат выполнен с соблюдением установленных требований. Исследование прошло необходимую апробацию, по теме опубликовано 5 работ, в том числе 4 в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. По актуальности проблематики, научной новизне, теоретическому уровню, практической значимости диссертация полностью удовлетворяет требованиям пп. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842 (в редакции от 01.10.2018 г. с изменениями от 25.05.2020 г.), а ее автор Ежова О.Ф. заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика.

Официальный оппонент
доктор филологических наук,
по специальности 10.01.09 – Фольклористика
директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН.
профессор,

199034,
Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
+79218920488
valentin_golovin@mail.ru

